

4050601

1846

4-100.

B

Новый Восток

Журнал

Всероссийской Имперской Ассоциации Востоковедения при Народном Комиссариате по делам Национальностей
Под редакцией М. Павловича (Вейтмана)
Т. У. Броуига и проф. И. К. Бороздина

Nouvel Orient

Revue de l'Association Russe pour
les Etudes Orientales
Rédacteur en chef
Michel Pavlovitch

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ 1902 г.

Журнал 2.

Москва.

Революционная Бухара.

I. I-й С'ЕЗД ТРУДЯЩИХСЯ БУХАРЫ И БОРЬБА С ЭМИРОМ.

Сформировавшееся окончательно к 14-му сентября 1920 г. новое революционное бухарское правительство, помимо продолжения борьбы с эмиром, засевшим в Восточной Бухаре, деятельно занялось строительством новых форм хозяйственной и общественной жизни страны, подготовляя к проведению ряд мероприятий и реформ, и работами по созыву 1-го с'езда трудящихся Бухары.

С'езд состоялся 5 октября, в бывшем дворце эмира «Сетарра Махасса». Делегатов было свыше 2,000 человек. Преобладающее большинство крестьяне и остальная часть городского население: кустари, ремесленники, мелкая и средняя буржуазия. По тому оживлению и вместе с тем спокойной уверенности, с которой вели себя делегаты в бывшем для них доселе запретном дворце, чувствовалось, что весь народ воспринял произошедшую революцию, что он весь с ней, и мысль о возможности реакции и возвращения эмира никому не приходила в голову. А между тем, агенты эмира еще наводняли страну, которая была еще не вся свободна, и в горах Восточной Бухары геройские революционные отряды боролись с отступающими бандами эмира, пядь за пядью отвоевывая освобождаемую землю. Темный, забитый, веками сдерживавшийся в рабстве народ, сбросил с себя вековые цепи и готовился приступить к строительству новой жизни и свободному труду на, ставшей отныне, родной земле!

Земельный и водный вопросы легли в основу работы С'езда, и предполагаемые мероприятия правительства в этом направлении были им одобрены и утверждены. Вслед за этим С'езд утвердил также состав революционного правительства. К концу С'езда представителем РСФСР тов. *Любимовым* от имени рабоче-крестьянской власти было сделано декларативное заявление об отказе ее от всех территориальных и иных приобретений царского правительства внутри Бухарской республики, захваченных им и приобретенных «по договору» с эмирским правительством. С'езд горячо приветствовал это проявление дружбы и бескорыстности Рабоче-Крестьянской России, послав приветственные телеграммы ее правительству и Коммунистической партии, и единодушно постановил обратиться к братской России с просьбой о помощи в борьбе с эмиром, продолжавшим угрожать молодой республике.

II. УГЛУБЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ, НАЧАЛО КЛАССОВОГО РАССЛОЕНИЯ.

Бывшие до революции наиболее революционными и активными в борьбе с эмиром, прогрессивные элементы бухарской буржуазии, увлекшие за собой народные массы обещанием реформ и национализации земли, очутившись у власти, сейчас же выявили свою истинную физиономию, медля с осуществлением провозглашенных революцией реформ и отказываясь от дальнейшего углубления революции. Цели этого класса были достигнуты. Эмир и его система, стоявшие между буржуазией и эксплуатируемым крестьянством были опрокинуты, и бухарская буржуазия готовилась уже заменить его на «славном» посту эксплуатации народных масс, ожидая лишь успокоения населения и стараясь тем временем укрепить свои позиции. Но, выведенное уже из вековой покорности, принявшее участие в борьбе и сыгравшее в ней решающую роль, крестьянство не хотело и не могло удовлетвориться свержением эмира и требовало удовлетворения своих жизненных интересов, требовало проведения обещанных реформ.

В Бухаре, где не было фабрично-заводской промышленности и следовательно не было промышленного пролетариата, где подавляющее большинство населения составляло крестьянство, и основой благополучия страны являлось сельское хозяйство, где источник жизни страны—земля,—находилась в руках эмира и нескольких крупных землевладельцев: беков, баев и духовенства (вакуфы), революция могла произойти и произошла лишь при участии крестьянства и под лозунгами аграрных реформ, т.-е. *аграрной революции*. Отказ от этих реформ был отказом от всех завоеваний революции, и положение, при котором лишь одна буржуазия, очутившаяся у власти, приобрела нужные ей свободы а крестьянство получило лишь смену хозяев, ставило друг против друга дотоле бывшие в потенции силы, неизбежно долженствовавшие столкнуться. Ясно, что непроведение реформ сверху грозило попыткой проведения их снизу, ставило страну перед возможностью новой революции. Эти интересы двух классов столкнулись в самом бухправительстве, и происшедшая борьба дала перевес сторонникам осуществления провозглашенных революцией реформ. Но крупная бухарская буржуазия не могла примириться с ходом революции, и в ее среде начинает выделяться группа недовольных, враждебно относящихся к революционному правительству, мечтающих о новом перевороте и диктатуре буржуазии. Эти элементы, оставаясь в органах власти, в то же время пользуясь хозяйственным кризисом, сеяли в населении недовольство существующим правительством, подрывая его работу и группируя вокруг себя всех недовольных, сыграв впоследствии немаловажную роль в развитии басмаческого движения.

Укрепив правительственный аппарат в центре, бухарское правительство приступило к организации советских форм и укреплению власти на местах, но здесь ему пришлось столкнуться с фактом полнейшего отсут-

ствия административных и технических работников. Нужно указать на то, что при захвате власти пролетариатом Запада он сможет использовать существующий буржуазный аппарат и технические силы, переделав его структуру и заставив служить своим целям. В Бухаре же, где вся налогово-палочная система управления эмира держалась и проводилась отдельными лицами, при полном отсутствии какой либо канцелярии и самых элементарных форм отчетности, при почти поголовной безграмотности населения, организация новых форм встретила громадные трудности, и бухарское правительство, израсходовав почти все культурные силы на организацию центральных органов, могла на места послать лишь незначительную часть работников-революционеров, заполняя остальные места чуждыми, а подчас и явно враждебными революции элементами из среды баев, улемы и даже эмирских чиновников. И чем дальше от центра, тем тоньше становилась эта прослойка из работников-революционеров и все более значительнее слой вчерашних эмирских слуг. Ясно, что все эти элементы, только вчера выжимавшие из народа последние соки и вдруг, сегодня, чудесным образом переродившиеся и изъявившие желание идти ему на служение, ничего общего с советской властью не имели и были готовы в удобный момент прийти на помощь реакции.

III. БОРЬБА С ЭМИРОМ И БЕГСТВО ЕГО В АФГАНИСТАН.

Тем временем эмир с отрядом из нескольких сот человек, которых ему удалось собрать из всей его армии, разбежавшейся по домам при первом громе революции, пытался укрепиться в горах Восточной Бухары и вступил в борьбу с наступавшими революционными войсками, но, не пользуясь никакой поддержкой населения, терпел одно поражение за другим и, наконец, ко второй половине 1921 г. отряды бухарских революционеров и частей войск Российской Красной армии, преодолев горные преграды, очистили от эмирских банд всю Восточную Бухару. Сам эмир с группой своих приближенных бежал в пределы Афганистана. Борьба была окончена, над всей Бухарой развевалось красное знамя, и части Российской Красной армии, выполняя приказ, стали покидать пределы Бухары. Но по мере отхода Красной армии, в покидаемых местностях начинают орудовать басмаческие шайки, заметно увеличиваясь численно, приобретая все большую смелость, и, наконец, делая налеты на города, угрожая спокойствию населения и в дальнейшем даже существованию самой революционной власти.

IV. БАСМАЧЕСТВО В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ.

Появление басмачей отнюдь не было случайным явлением или вызванным революцией. Басмачество *), как таковое, в Восточной Бухаре имело и до революции довольно глубокие корни. Отдаленность от центра, отсутствие удобных путей сообщения, трудность преодоления естественных пре-

*) Бандитизм.

град, в виде гористой местности, повлекло к фактической независимости восточных бекств от центральной эмирской власти и способствовало внедрению духа независимости и гордости в сознание коренного его населения, главным образом, племен «Локай» и «Матчай».

Оставшиеся, в силу вышеуказанных условий, до последнего времени вне сферы вращения торгового капитала, нашедшего себе широкое применение в самой Бухаре, со свойственной ему ломкой стеснительных для него феодальных отношений, эти племена сохранили особенности партиархального быта, родового уклада жизни и т. д., управляясь феодалами-беками, которые вследствие полного невежества и политической отсталости населения являлись неограниченными властелинами в своих владениях, распоряжаясь имуществом и жизнью своих подданных. Пользуясь поддержкой духовенства, имевшего большое влияние на фанатичное население, и действуя под флагом шариата, беки доводили свой произвол до того, что многие крестьяне, свободолюбивые по натуре, бросали свою землю и сородичей и, убегая, становились на путь бандитизма.

Эмирское правительство, покорив, с помощью царских войск, восточные бекства, назначило туда своих правителей беков, которые в свою очередь, собирая для себя налоги, начали выколачивать из населения еще добавочные для эмира, что усиливало недовольство ими населения, которое, будучи не в силах выдержать этой страшной тяготы, часто бросало свое хозяйство, или, доведенное до отчаяния, убивало своих мучителей, чтобы потом, спасаясь от репрессий, в обоих случаях, пополнять ряды басмачей.

Эти басмаческие шайки, дожившие и до революционного периода, и преследовавшие в начале исключительно цель личной наживы, в дальнейшем, под влиянием целого ряда условий, начинают принимать политическую окраску, выступая за «попранные права бухарского народа» и вовлекая в свои ряды все более и более значительные массы населения.

Сквозь десятки лет эмирского владычества, под жесточайшим игом полицейского режима, население Восточной Бухары сохранило и донесло до революции свое стремление к независимости и ненависть к существующему строю. Лозунги революции, правда, дошедшие до горной Бухары довольно туманными и не ясными, перетерпев в устах, их передававших, довольно значительные изменения, нашли все же живейший отклик в сердцах населения, и бежавший эмир, несмотря на сильнейшую агитацию духовенства, направленную против «джадидов» — большевиков, якобы покушающихся на Ислам, семью, собственность и другие святыне вещи, не встретил никакой поддержки среди горных племен и потерпел поражение. Но вслед за приходом революционных войск в освобождаемых местностях организовывалась Советская власть, во главе которой становились баи и вчерашние эмирские слуги, ничего общего с советским строительством, кроме ненависти к нему, не имевшие и вскоре приступившие к старым, излюбленным и «испытанным» методам управления. Последствия не замедлили сказаться. Население увидело, что свергнутым оказался только эмир, и что вся его система продолжала су-

ществовать по-прежнему. Момент был слишком острый, разница между лозунгами, провозглашенными революцией и действительностью, настолько резкой, что взволнованное уже общими событиями и выброшенное из рула нормальной жизни население неизбежно должно было выразить свое недовольство в форме борьбы за свои идеалы.

Бежавший в Афганистан, но еще не потерявший надежды на возвращение престола бывший эмир с величайшим вниманием следил за событиями в Бухаре и не замедлил отметить это недовольство новой властью и деятельность басмачевских шаек, чтобы использовать это с соответствующей выгодой для себя. Десятки и сотни эмирских агентов быстро наводнили страну и, всюду поддерживаемые духовенством, вели непрерывающуюся агитацию против «джадидов», возбуждая недовольство населения и призывая его бороться с Советской властью. Отдаленность от центра и крайне плохая связь, не дали возможности правительству выявить своевременно причину недовольства населения и принять соответствующие меры. Положение оставалось неизменным, недовольство населения росло, и агитация духовенства и эмирских агентов уже находила некоторые отклики в населении. И все же в это время население еще продолжает надеяться на осуществление лозунгов революции, продолжает поддерживать революционную власть, борясь вместе с революционными войсками против басмачей и часто само отражает нападения таковых.

В свою очередь басмачество, учтя положение и обрабатываемое соответствующим образом эмиссарами эмира, приняло политическую окраску и об'явило себя борцом за «права народа», выставив своим главным требованием автономное независимое существование без назначенцев из Бухары и отказ от платежа каких бы то ни было налогов, чем привлекло к себе симпатии населения, начавшего усиленно пополнять ряды басмачей. Но басмачество все же еще в этот период не имело подлинно-реакционной сущности: сторонники бывшего эмира, пробовавшие было выкинуть лозунг «возвращение эмира», успеха не имели и басмачество продолжало существовать, как местное явление, носящее отчасти освободительный характер.

Тем временем части Российской Красной армии, выполняя приказ высшего командования, начинают уходить из Восточной Бухары, последовательно покидая города: Куляб, Бальджуан, Файзабад, Кафирниган и др., передавая охрану городов местной милиции, частям бухарской Красной армии (крайне немногочисленным). Но, вслед за уходом русских войск, эти города немедленно занимались басмачами, жестоко расправлявшимися с представителями власти.

К сентябрю 1921 года район действия басмачей можно определить так: от города Байсуна, на юг, до самой Афганской границы (Р. Пянджаб), на восток, по границе Гиссарского вилайэта до линии реки Вакш и далее на север по всему Ширабадскому вилайэту до естественной его границы—р. Вакш, территория была совершенно свободной от басмачей. Далее, на восток, по линии р. Вакш, от ее левого берега, по территории Гиссарского вилайэта, на-

чинается район самого сильного и серьезного басмачества. Район этот, населенный преимущественно племенем «Локай», довольно значительно захвачен басмаческим движением, во главе которого стал, пользовавшийся большим влиянием среди «локайцев», Даулет-Маманбей. Не примкнули совершенно к басмаческому движению шесть волостей этого (кулябского) района, населенных не «локай», а «узбеками». Второй район, захваченный движением, был пограничный, самый восточный Гармский вилайет, где оперировал Султан-Ишан с довольно многочисленным отрядом, отличавшийся меньшей жестокостью в расправе с жителями, которые были уличены или заподозрены в сочувствии или помощи революционной власти. Впоследствии на переговоры с этим отрядом центральной властью был послан бывший турецкий офицер, инструктор по организации милиции в Восточной Бухаре. Прибыв на место переговоров, почти без охраны, сам не-вооруженный, этот турок ^{скоро} обратился с большой речью к басмачам, в которой разъяснял роль революции и Советской власти в освобождении мусульман от ига английского и международного империализма, призывая к прекращению междоусобной войны, которая будет лишь использована эмиром, заручившимся уже помощью векового врага Востока—Англии, и к сплочению всех мусульман для борьбы с империалистами,—борьбы за общее освобождение. Своим ораторским искусством он растрогал басмачей до слез. Плакал от его речи Султан-Ишан, плакал он сам, плакали, глядя на них и басмачи. Султан-Ишан растрогался до того, что приказал собрать для сдачи все оружие, которое было собрано—свыше 300 винтовок. Но уполномоченный БНСР, растроганный еще более,—возвратил Султану-Ишану оружие и назначил его председателем Гармского Ревкома. Этот эпизод еще раз с убедительной ясностью показывает, насколько басмачество в своей основе не было контр-революционным, и лишь в дальнейшем, под влиянием непрекращающейся агитации духовенства, эмирских сторонников и происков различных контр-революционеров, выставлявших Советскую власть, как врага Ислама, покушающуюся на самые священные основы Шариата и Корана, начинает выступать против Советской власти.

Бухарское правительство пыталось было ликвидировать движение путем переговоров и выяснения требований восставших для возможного удовлетворения тех из них, кои будут признаны справедливыми, но басмачеством уже руководила чужая рука, переговоры не дали положительных результатов, и бухправительство было поставлено перед фактом подлинного контр-революционного выступления, с которым приходилось бороться вооруженной силой. Имевшее еще в начале этой борьбы некоторую самостоятельность басмачество, с продолжением военных действий, начинает сильно нуждаться в деньгах, огнеприпасах и оружии, что оно могло получить только с помощью эмира, и получает таковое от него ценою утраты своей самостоятельности и полного подчинения ставленникам эмира.

Между тем, мелкие басмаческие шайки под командой бывшего бандита Джабара начинают просачиваться и в Западную Бухару. Деятельность этих

шаек в начале проявлялась в грабежах, отбирании оружия и лучших лошадей и избиении работников местных советских учреждений. Но не подлежало никакому сомнению, что не пользующиеся никакой симпатией населения, часто выступающего против них, бандиты в дальнейшем, следуя примеру своих восточных товарищей, присвоят себе политическую и религиозную окраску и механически войдут в общее русло контр-революционного движения.

Первоначально контингент этих басмачей состоял из нескольких десятков бандитов-профессионалов и солдат разбежавшейся во время революции эмирской армии, затем пополняется дезертирами—милиционерами и, наконец, втягивает в свои ряды и отдельные элементы трудового крестьянства. Здесь, читающий эти строки, неизбежно задастся вопросом: «как могло случиться, что крестьянство, только лишь полтора года назад освободившееся от беспрецедентной во всем мире деспотии эмира, не имевшее положительно ничего собственного, так как в любую минуту и все его добро и сама его жизнь могли быть отняты эмиром или его чиновниками, крестьянство, только лишь накануне восторженно приветствовавшее революцию,—сегодня уже разочаровалось в ней и отдельные частицы даже выступают против нее!» Ответ на эти вопросы нам даст хозяйственное состояние страны в этот период.

V. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ БУХАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Остановимся на важнейших моментах в экономической жизни Бухары. Полстолетия назад, с захватом Россией Средне-Азиатских владений, преобладающее натуральное хозяйство Бухары с преобладающим посевом хлебных злаков начинает уступать место хозяйству товарному. Соответственно этому уменьшается площадь засеваемой хлебом земли, который начинает поступать из России, и увеличивается площадь, отводимая культуре хлопка, в котором нуждалась русская текстильная промышленность. С этого момента Бухара перестает жить отдельной самостоятельной жизнью, связывается с Россией и представляет с ней одно хозяйственное целое.

С развитием революции в России экспорт из Бухары почти совершенно прекратился сначала вследствие образовавшегося затора на Ташкентской жел. дороге, известного под именем «Оренбургской пробки», затем вследствие явно враждебной позиции, занятой эмиром к Октябрьской революции, и принятого им участия в блокаде России. Попытка эмирского правительства установить экономическую связь с другими сопредельными странами и Европой, вследствие отсутствия удобных путей и спроса на сырье с одной стороны и отдаленности—с другой, успеха не имела. Бухара была предоставлена самой себе, производство сырья катастрофически падало и результаты: разорение, голод населения и переход к старым хозяйственным формам.

В таком состоянии находилось бухарское хозяйство ко дню революции, а условия, при которых находилась в это время Россия и слабость аппа-

рата Внешторга в Бухаре в этот период не дали возможности в достаточной мере экспортировать из Бухары накопившееся там и лежавшее без движения сырье, чтобы, открыв отдушину, дать мощный толчек к оживлению хозяйственной жизни страны.

Приводимые ниже цифры показывают состояние экспорта Бухары до (1917 года) и после революции.

Годовой экспорт Бухары до 1917 года:

а) хлопка-волокна	до	2.000.000 пуд.
б) каракуля	»	2.000.000 шт.
в) шерсти	»	350.000 пуд.
г) солодкового корня	»	900.000 »
д) кишок	»	1.000.000 шт.

Годовой экспорт Бухары 1921 года.

а) хлопка	142.000 пуд.
б) каракуля	100.000 шт.
в) шерсти	14.000 пуд.
г) солодкового корня	— —
д) кишок	— —

Следовательно, экспорт Бухары после революции уменьшился по сравнению с дореволюционным периодом в следующей пропорции: хлопок—в 15 раз, каракуль—в 20 раз, шерсть—в 25 раз; солодкового корня и кишок не вывозилось совершенно. Отсюда головокружительное падение производства сырья.

Годовая производительность Бухары до 1917 года:

а) хлопок	до	2.000.000 пуд.
б) каракуля	»	1.700.000 шт.
в) шерсти	»	280.000 пуд.
г) солодкового корня	»	900.000 »
д) кишок	»	1.000.000 шт.

Годовая производительность Бухары 1921 года:

а) хлопка	до	100.000 пуд.
б) каракуля	»	200.000 шт.
в) шерсти	»	50.000 пуд.
г) солодкового корня	—	—
д) кишок	—	—

Не лучше также обстояло дело с импортом Бухары:

Годовой импорт Бухары до 1917 года:

а) мануфактуры разной	до 550.000 пуд.
б) чая	» 550.000 »
в) сахара	» 150.000 »
г) москательных товаров	» 150.000 »
д) железа и железных изделий	» 200.000 »
е) посуды разной	» 15.000 »

Годовой импорт Бухары за 1921 год:

а) мануфактуры разной	до 3.800 пуд.
б) чая	» 1.000 »
в) сахара	» — »
г) москательных товаров	» 1.000 пуд.
д) железа и железных изделий	» 8.240 »
е) посуды разной	» — —

Вот ответ на поставленные вопросы. Эти цифры красноречиво говорят о том, что в десятки и сотни раз уменьшились предметы широкого потребления населения, и главные продукты производства страны, как-то: хлопок, каракуль, шерсть и т. д., составлявшие основу благополучия крестьянина, за время революции совершенно не вывозились, следовательно, не было расчета их производить, и крестьянское хозяйство, никем не поддерживаемое, разорилось и падало, что еще более усугублялось происходившей гражданской войной. Темное невежественное население, не будучи в силах разобраться и найти истинную причину своего все ухудшавшегося положения, к тому же подстрекаемое контр-революционными элементами, винило в этом новую власть, а если к этому еще прибавить, что лозунг национализации земли—лозунг, бывший одним из главных выдвинутых революцией, вследствие отсутствия соответствующего аппарата на местах, технических затруднений, боевых действий, сложности существовавших земельных отношений и отмеченных выше причин, не был своевременно осуществлен и проведен в жизнь, то создавалось впечатление, что массы, как будто, ничего не выиграли от революции, в тоже время прямо или косвенно пострадав от гражданской войны и углубления хозяйственного кризиса. Почва для проникновения и развития всякой агитации, направленной против существующего правительства (но в то же время и не реакционной) была достаточно благоприятной. И отдельные, менее устойчивые элементы из среды разоренного и обнищавшего крестьянства, уже ушедшие в ряды басмачей, легко могли быть использованными для этой цели. Нужно было лишь появление вождя, могущего пользоваться известной популярностью и умеющего выкинуть подходящие лозунги.

Такой человек нашелся в лице Энвер-паши.

Прежде чем говорить о том, каким образом появился в Бухаре Энвер-паша, пользовавшийся большей известностью у читающей публики в 1910—14 годах по его громкой деятельности в Турции, мы считаем необходимым вкратце остановиться на важнейших моментах жизни этого авантюриста, которому Турция, а затем и Бухара обязаны одними из самых трагических и кровавых страниц своей истории.

VI. ЭНВЕР-ПАША.

Бывший одним из активных членов партии «Единение и Прогресс», молодой офицер Энвер-бей стал известен всему миру в 1908 году, как руководитель государственного переворота, направленного к свержению Абдул-Гамида и спасению Турции от расчленения и раздела ее иностранцами. Хотя переворот был предreshен и подготовлялся, но тем не менее он должен был, по плану его инициаторов, произойти позднее, и движение, начатое Энвером в июле, было случайным и, по словам некоторых видных членов «Единение и Прогресс», было поднято им из желания, чтобы инициатива и успех принадлежали ему. В этом уже тогда сказалась честолюбивая натура Энвера, из-за желания прославиться и выдвинуться не остановившегося перед риском возможной неудачи и провала дела. В дальнейшем, вследствие недовольства населения неплототворной деятельностью унионистов (Единение и Прогресс), не сумевших вывести страну из тупика и считавшихся виновниками затянувшейся и несчастливой турко-итальянской войны, первенствующую роль начинает играть партия «Свобода и Соглашение», которая оттесняет унионистов и становится у власти. Энвер уезжает в Германию, где быстро обращает на себя внимание Германского Генерального Штаба, увидевшего в молодом честолюбивом офицере, не особенно разборчивого в средствах, к тому пользующегося уже известной популярностью, будущего союзника для осуществления своих планов. Здесь были положены основы будущего соглашения и общности действий.

Последовавшая вскоре война с Балканскими государствами, бывшая крайне неудачной для Турции, которая, потерпев ряд тяжелых поражений, оставила в руках Греции, Болгарии и Сербии значительную часть своей территории, и неудачная внешняя политика крайне пошатнула положение партии «Свобода и Соглашение», создав благоприятный момент для выступления унионистов.

Комитет «Единение и Прогресс», энергично поддержанный Германией, решил воспользоваться этим моментом, чтобы снова захватить власть. На сцену опять выступил предприимчивый Энвер-бей, который 10-го января 1913 года с группой преданных ему военных занимает Высокую Порту, врывается к военному министру Назиму-паше и собственноручно убивает его. Затем при сильной поддержке Германии Энвер-бей лично становится во главе армии и отнимает у болгар Адрианополь и другие турецкие земли, воспользо-

зовавшись возникшей между Сербией и Болгарией войной. С этих пор комитет «Единение и Прогресс», получивший от Германии существенную поддержку оружием и деньгами, в виде займа в 10 миллионов лир, определенно стал на сторону Германии и позднее принял на ее стороне участие в империалистической войне. Энвер-бей осыпается почестями и сам принимает участие в правительстве в качестве военного министра, куда такж входят Талаат-бей и один из наиболее видных и умных лидеров Комитета Джемаль-паша (недавно убитый дашнаками в Тифлисе). Энвер вскоре получает титул паши и женится на дочери султана, становясь, таким образом, зятем Халифа, что должно было поднять его престиж в мусульманском мире. Торжество Энвер-паши полное. Турция опять в его руках и в руках небольшой кучки его друзей, деспотически правящих страной при полной поддержке Германии. Вся политика партии вырабатывалась в тесном кружке этой группы с Энвером и Талаатом во главе, а выполнение решений уже поручалось последовательно остальным деятелям партии. Это ядро партии состояло из действительно деловых людей, как Талаат-паша, Джемаль-паша, Хуссейн, Джахи, Бахаэдзин-Шакир и др., тогда как сам Энвер-паша был только счастливым авантюристом, которому улыбнулась судьба и поставила на вершину. Уступая умом другим, он был безмерно честолюбив, смел и предприимчив и удовлетворение своего честолюбия ставил на первый план, тогда как Джемаль и Талаат-паша обладали действительно крупным государственным умом и были, повидимому, фактическими руководителями партии.

С начала империалистической войны Энвер решительно становится на сторону Германии и вовлекает в нее Турцию, еще не оправившуюся от Балканской войны.

Терпящая тяжелые поражения и несущая большие потери, изнемогающая, истекающая кровью Турция вся во власти германских офицеров, заполнивших страну, продолжает участвовать в боине, выполняя задания германского штаба — задачу отвлечения сил русской армии.

Поражение Турции было поражением партии «Единение и Прогресс», и Энвер-паша вместе с другими лидерами ее бежал в Германию, преследуемый ненавистью турецкого народа, видевшего в нем главного виновника вовлечения Турции в губительную войну и затем бросившего ее на произвол судьбы.

В освободительном движении Турции, возглавляемом Мустафой Кемаль-пашею, Энвер не участвовал, повидимому, не удовлетворяясь второстепенной ролью, которая могла здесь выпасть на его долю, и, наоборот, старается подкопаться под Кемаль-пашу, не заботясь о том, что это может ослабить движение и принести вред делу.

Во время с'езда народов Востока в Баку в 1920 г. Энвер призжает на с'езд, где также пытается играть роль, но встречает холодный прием делегатов с'езда, хорошо помнивших его «карьеру» и достаточно раскусивших его, а председатель с'езда тов. Зиновьев лишает его голоса, как яркого империалиста, втянувшего Турцию в империалистическую бойню, и виновника по-

рабощения ее Антантой. После этого Энвер остается в России, проживая в последнее время в Баку.

Вот этот авантюрист, оставшийся не у дел в момент, когда лучшие сыны возрождающейся Турции ведут героическую войну за освобождение своей поращенной родины, приехав в качестве гостя в Бухару, решил воспользоваться тяжелым положением страны и протянуть свои окровавленные руки к удушению Бухарской революции!

VII. АВАНТЮРА ЭНВЕР-ПАШИ.

Приехав в Бухару 8-го ноября 1921 года и прожив в качестве гостя 3 дня, Энвер рано утром 11-го ноября в сопровождении своих трех спутников турок выехал на «охоту», с которой не возвратился, об'явившись впоследствии в ставке басмачей. Его переходу предшествовала переписка с б. военным на- зиром Ширабадского вилайэта Хасановым (б. полковником турецкой служ- бы), ушедшим перед этим с отрядом в 60 человек в джиликульском на- правлении и в отряде которого впоследствии об'явился Энвер. Прибыв в Джи- ликуль, Хасанов обратился к басмачам с речью, в которой, говоря о цели их прихода, сказал, что вместе с ним прибыл Энвер-паша, пришедший для их спасения и руководства борьбой за освобождение мусульман.

Басмачество, субсидируемое эмиром и бухарскими эмигрантами, нахо- дившимися на Авганской территории, к этому времени уже потеряло всякую самостоятельность, подчиняясь бывшему капитану эмирской армии Ибрагим- беку и служа целям бежавших контр-революционеров.

Приход Энвер-паши был встречен басмачами крайне недоверчиво, и они, разоружив его отряд, установили за ним тщательный надзор, держа его не- которое время, как-бы на положении пленника. Этим временем Энвер-паша списался с б. эмиром. Его услуги были приняты, и он назначается главно- командующим всеми басмаческими отрядами Восточной Бухары. Получив свободу действий, Энвер энергично приступает к работе по об'единению всех басмаческих шаек, во многих местах еще действовавших на свой риск и страх, и подчинению их единому оперативному руководству. Кроме того, Энвер-паша посылает своих эмиссаров в Фергану, Самарканд и Хиву для установления связи с оперирующими там басмачами и подчинения их в конеч- ном итоге себе. Его лозунги: «об'единение всех мусульман», «создание Ве- ликого Средне-Азиатского мусульманского государства» и «изгнание всех европейцев». В то же время Энвер-паша обращается к представительству РСФСР с предложением признания его, как главу Бухарского государства, обещая в этом случае прекращение борьбы, прочный союз и через короткий срок создание сильной и значительной армии для борьбы «за общие цели» на Востоке. Истинная физиономия этого авантюриста, не остановившегося пе- ред поднятием братоубийственной войны для удовлетворения своего беше- ного честолюбия, предстала здесь во всей своей отвратительной наготы.

Продолжавшийся уход Красной армии передал Энверу без боя территорию от Дюшамбе до Байсуна (200 верст), что значительно укрепило положение Энвера-паши, в результате этих «побед» приобретшего известную популярность среди басмачей. Энвер, конечно, не замедлил воспользоваться всеми выгодами этого положения для приобретения полной самостоятельности, номинально подчиняясь эмиру и отдавая приказания помимо Ибрагим-бека. К этому времени относится также приобретение им личной печати с надписью: «Главнокомандующий всеми войсками Ислама, зять Халифа, наместник Магомета».

С определившимися, казалось, успехами Энвера бухарские эмигранты с эмиром во главе решили, как видно, бросить известную осторожность в возрождении дореволюционных форм, и во всех занимаемых басмачами местах немедленно вводился старый эмирский режим, и у власти становилась вновь бывшая эмирская администрация и чиновники. Может быть, в этом известную роль сыграла боязнь укрепления Энвера-паши и роста его популярности в стране и, как противовес, — насаждение всюду преданных себе людей. Но как бы то ни было, это должно было и не преминуло иметь серьезные последствия для всего движения.

Нужно не забывать того, что басмаческое движение могло воспользоваться некоторым сочувствием населения и приняло такие сравнительно большие размеры. лишь, как движение освободительное, возникшее среди восточных племен, сильно тяготевших к независимости и не желавших признавать никакого правительства, сначала, как протест против деспотизма эмирской власти, а затем и против новой революционной власти, вследствие преступной деятельности примазавшихся к власти враждебных революции элементов и провокационной работы духовенства и эмирских агентов. Возвращение же к власти эмирских чиновников и установление хорошо памятного еще эмирского режима не могло быть приемлемым населением, и среди басмачей начинается отход к закреплению позиций и отказ от дальнейших боевых действий. Вместе с тем, начавшееся вновь наступление Красной армии и ряд поражений, понесенных Энвером, значительно роняют престиж и ореол славы, первоначально окружавшие его, и последовавшие неудачи выявляют внутренние противоречия, отчасти сдерживавшиеся ранее благодаря военным успехам. Недовольный возвышением Энвера и его диктаторским поведением, Ибрагим-бек, разгадав истинные замыслы этого авантюриста, доносит об этом б. эмиру и занимает совершенно обособленную позицию вплоть до отказа Энверу в помощи во время неудачного для него сражения под Байсуном.

Терпя неудачи на фронте, Энвер, озабоченный угрожающим положением, создавшимся в тылу в связи с позицией, занятой Ибрагим-беком, и восстанием локайцев, отказавшихся принимать дальнейшее участие в боевых действиях, собрал значительные, еще оставшиеся верными ему силы и бросил их на локайцев, руководимых вождем Тугай-Сары.

Ярко рисующими это разложение среди басмачей и вражду Энвера с Ибрагим-беком являются приводимые ниже письма Энвер-паши к... и бывшему эмиру.

В письме от 15 июня на имя... он пишет: «Дорогой брат! Сражение с русскими войсками продолжается успешно для нас. Локайские дела к востоку от р. Вакш по справедливости очень хороши. Локайцы, которые были атакованы в Кулябе, были совершенно разбиты, и соединившиеся войска таджиков-каттагенцев, киргиз и туркмен под командой Даулетман-бея-Дотха очистили все округа провинции и разоружили эту страну. Однако, я получил письмо от Ибрагим-бека, в котором он говорит, что желает прибыть ко мне, но положение в Бальджуане препятствует ему это сделать. Совершенно ясно, что Ибрагим устроил эти нападения и послал вооруженных людей на помощь к Тугай-Сары — главному вождю. Теперь я уверен, что Ибрагим не придет никогда ко мне в Байсун, а если сумеет, то помешает и войскам прибыть ко мне. Таким образом, я должен быстро покончить с этими локайскими вопросами и грязью. Поэтому я прошу вас прислать ко мне эти 500 человек с некоторым количеством пулеметов. Таким же образом, я покончу с другим правителем Гиссарской провинции. Но это Вы должны мне прислать быстро, мой дорогой брат, и тогда я сумею воспрепятствовать тому, чтобы Ибрагим мог пойти против Даулетман-бея. Пришлите мне пожалуйста патроны и винтовки «джермени». Я думаю, что русские скоро не будут мне помехой. Ваш Энвер».

В другом письме на имя бухарского эмира от 19 июня 22 года он пишет: «Многоуважаемый брат Газы! Сегодня Ободжа-Лашафи получил ваше письмо, узнал о вашем здоровье, обрадовался. Шавала было вам сообщено, о наступлении локайцев в Кулябе, где было убито шестеро из отряда Ашура-Токсаба, после чего Ашур-Токсаба обратился ко мне и совместно с киргизами и туркменами стал наступать на этих злодеев. Они в пути встретили Даулетман-бея, вели перестрелку и после боя (локайцы) переправились через Вакш и бежали по направлению к Гиссару. Даулетман-бей разрушил мост, почему часть попала в плен и была обезоружена. Все имущество бежавших ограблено жителями». Далее в этом письме он пишет: «...Ибрагим-бек ввел новые приемы для того, чтобы вас бмануть. Желает взять всех популярных и сгруппировать около себя и, таким образом, устранить меня. С одной стороны, шлет вам о своей подчиненности, с другой — организует восстания в Кулябе, что является доказательством, что он действительно человек ненадежный, как раньше сообщали, и что Мирахур баши действительно является честным человеком и везде и всюду готов жертвовать своими интересами для Вашего Величества. Посему прошу Вас избавить меня от этих (степных) недоразумений и душой желаю Вам здоровья. С великим почтением Ваш брат Энвер».

VIII. ВТОРИЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Озабоченное серьезным положением, создавшимся в стране в связи с развитием энверовской авантюры и угрозой возвращения эмира, бухарское правительство обратилось к рабоче-крестьянскому правительству России с просьбой о помощи против надвигающейся реакции. Уход Красной армии был приостановлен, и она вновь перешла в наступление, нанося энверским бандам удар за ударом. В то же время бухарское правительство послало специальную комиссию по управлению Восточной Бухарой, в состав которой вошли наиболее преданные революции и пользовавшиеся симпатиями населения работники. Эта комиссия, помимо административных функций, еще имела задачу разъяснение населению целей революции и основ советской власти. 5-го марта в Байсуне по инициативе этой комиссии состоялся съезд населения освобожденных от басмачей мест. Этот съезд, разъяснив населению истинные цели и принципы советской власти, значительно способствовал освобождению его от того, подчас чудовищного, представления о ней, создавшегося вследствие провокационной работы контр-революционеров. В образовавшуюся ранее трещину между населением и басмачами был вбит ныне надежный клин. В заключение съезд обратился с воззванием к басмачам, призывая их прекратить братоубийственную войну, приносящую лишь пользу врагам народа.

Терпя ряд поражений на фронте, изолированный в результате побед Красной армии от басмаческих шаек других районов, принужденный отвлекать большие силы для подавления восстаний в тылу, Энвер-паша, чувствуя, что почва ускользает из-под его ног, не надеясь уж больше на успехи басмаческого оружия, прибегает к приему, столь часто применявшемуся русскими белогвардейцами, пытается разложить ряды противника, распространяя среди него прокламации и воззвания провокационного и контр-революционного характера, между прочим, довольно сильно отдающими эсеровским стилем. Вот образец одного из них: «Русские красноармейцы! В России изголодавшийся и недовольный партийной диктатурой народ восстал для того, чтобы восстановить свое право и народовластие. В центральной России, Украине, Сибири, на Кавказе, на Дону, Поволжье и Урале восставший народ организует войска и армии, которые ведут весьма успешную борьбу.

Мы тоже деремся за освобождение Бухары и Туркестана. Близок день свержения партийной диктатуры и восстановления народного права. Всюду Красная армия переходит на сторону народа. Вы тоже должны участвовать и помочь в борьбе за освобождение. Красноармейцы, соединяйтесь с нами и своим отдельным отрядом, сохранив при себе ваше оружие и пулеметы, ведите борьбу за освобождение Туркестана и России. Главнокомандующий мусульманской армией Энвер».

Не удовлетворяясь этим, Энвер пытается ввести в заблуждение и, что называется, «взять на пушку» командиров отдельных частей, ультимативно

предлагая им освободить занимаемую территорию и гарантируя в этом случае беспрепятственный уход. Ниже мы помещаем достойный ответ на одно из таких предложений.

Главокомандующему всеми басмаческими шайками Энвер-паше! Мною получено от вас уже второе письмо, в котором вы предлагаете сдать вам Байсун и очистить всю Восточную Бухару, что меня крайне удивляет. Вы военный человек, пользующийся симпатией своих учеников, которые за счастье считают видеть и говорить с вами, и все же не знаете военных правил и законов, или же не хотите считаться с ними и жаждете поймать на свою довольно гнусную и хитрую уловку.

Прежде всего, сдать вам Байсун я, как *только* начальник байсунского гарнизона, без соответствующего приказа моего высшего командования не могу. При этом напоминаю вам, чтобы вы впредь по столь важным и носящим характер государственной важности делам обращались не ко мне, а к бухарскому правительству и генконсульству РСФСР, которые обоюдно могут решить этот вопрос. Кроме того, мы, как армия рабочих и крестьян, построенная на сознательной дисциплине, всегда готовы встретить вас, как бандитов, не дающих гражданам заниматься своим мирным трудом и за всю пролитую кровь будете ответственны вы, а не мы, ибо вы первый наступаете.

П. С. С подобными письмами прошу обращаться к правительству БНСР, ибо мы стоим по их просьбе. (Подпись).

Помимо этих, ставших в наши дни наивными, уловок, Энвер прибегает к другим более гнусным приемам: 7-го июля в проезжавшего около вокзала предсовнаркома Бухарской республики тов. Файзулу-Ходжаева было произведено два выстрела. Пули по счастливой случайности пролетели мимо. Арест покушавшихся привел к раскрытию целой басмаческой организации, занимавшейся шпионской, контр-революционной и подрывной деятельностью в числе членов которой, между прочим, находился также брат бывш. эмира Тюря-Гузар.

Но уже ничто не может предотвратить ставшего неизбежным поражения басмачества. Лишившись сочувствия и поддержки населения, раздираемое внутренними противоречиями и распрями отдельных главарей, оно терпит одно поражение за другим, и к августу красные войска, овладев городами Дюшамбе, Гиссар, Каратаг, Бальджуан и Куляб, оттесняют басмачей к афганской границе.

Бежавшее от террора басмачей, скрывшееся в горах и ущельях население, возвращается вновь на родные места и приступает к обычной, прерванной войной, повседневной работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

При таких обстоятельствах победы революционных войск, созвался 3-й съезд трудящихся Бухары, чтобы, учтя уроки недавнего, опыт и ошибки прош-

лого, заложить твердые и прочные основы советского строительства—залога силы и процветания молодой республики.

Новая экономическая политика России, восстанавливая ее производительные силы, оживила и хозяйственную жизнь соседней Бухары, дав ход лежавшему годы без движения сырью и мощный толчек к возрождению производительных сил страны. Дружественное сотрудничество обоих народов поможет бухарскому крестьянину быстро наладить и улучшить свое разрушавшееся годами хозяйство и тем, вырвав у басмачества его экономическую основу, заставит само население ликвидировать мелкие басмаческие шайки, разрозненно действующие еще по всей стране и препятствующие крестьянству пользоваться плодами его мирного труда!

Д. Соловейчик.
